

7. Ипполитов, Г. М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки : непростая диалектика / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. – 2013. – № 1. – С. 184–195.
8. Ипполитов, Г. М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 13. – 2011. – № 3(2). – С. 501–509.
9. Маловичко, С. И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии / С. И. Маловичко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – С. 36–44.
10. Мікалаева, Л. В. Змест паняцця «гістарыяграфічная крыніца» і спецыфіка класіфікацыі гістарыяграфічных крыніц / Л. В. Мікалаева // Актуальные проблемы истории и культуры : сборник научных статей ; редкол. : В. Л. Лакиза [и др.]. – Минск, 2018. – Вып. 4 : Беларусь в контексте европейской истории и культуры. – 2022. – С. 60–75.
11. Наумова, Г. Р. О путях научного познания / Г. Р. Наумова // История мысли : историография. – М. : Вузовская книга, 2002. – Вып. 1. – С. 3–18.
12. Нечкина, М. В. История истории (некоторые методологические вопросы исторической науки) / М. В. Нечкина // История и историки : историография истории СССР. – М. : Наука, 1965. – С. 6–26.
13. Пушкарев, Л. Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников / Л. Н. Пушкарев // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки : межвуз. темат. сб. / Отделение истории АН СССР, научный совет по проблеме «История исторической науки», Калининский гос. ун-т. – Калинин, 1980. – С. 102–103.
14. Шмидт, С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки / С. О. Шмидт // Труды / Московский государственный историко-архивный институт. – М. : МГИАИ, 1965. – Т. 22. – С. 3–49.

Маджаров А.С.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В ТРУДАХ ПО СТАРООБРЯДЧЕСТВУ (XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Ключевые слова: историографический источник, исторический источник, концепция, внутренняя форма, раскол, старообрядчество.

О специфике историографического источника. Понятие исторический источник включает в себя все типы, виды и разновидности артефактов, в том числе исторические исследования, как одну из разновидностей письменных источников.

В свою очередь историографическим источником в широком смысле может выступать любой памятник, если он содействует реконструкции историографического факта, познанию истории исторической науки. При этом историографический источник, в узком смысле – труды историков, отличается от других разновидностей свидетельств, входящих в классификацию письменных исторических источников, назначением («историческое описание и осмысление общественного опыта»), внутренней формой [1, с. 9].

Наличие внутренней формы, заданной социальной функцией документа, делает его основным «средством познания» истории исторической науки. Эта форма соединяет эмпирические факты в «научную картину»-концепцию, которая придает сочинению определенное «направление». Она включает методологический аспект, тяготеющий к философии истории, и «форматирует» источниковые данные, являясь построением историка, синтезом идеологии и метода, соответствующим времени возникновения памятника.

Цель данного исследования – раскрыть специфику внутренней формы комплекса историографических источников клерикально-охранительного и официального направлений по истории старообрядчества XVII – первой половины XIX в.

Внутренняя форма историографического источника клерикально-охранительного направления. Внутренняя форма исследования по истории старообрядчества в отечественной литературе формировалась как система ценностных (идеология), пространственных (предмет), источниковых (свидетельства), векторных

(цель, метод исследования) отношений автора к объекту изысканий; совокупность понятий, раскрывающих «механизм» объяснения старообрядчества [2].

Клерикально-охранительное направление раскола как совокупность историографических источников, объединенная общностью теоретико-методологических воззрений на явление, зародилось в годы возникновения протеста. Сочинения Симеона Полоцкого («Жезл правления», 1667), архиепископа Афанасия («Увет духовный», 1682), архиепископа Питирима («Пращица духовная», 1721) и другие, характеризовавшие раскольников как «безумных» людей.

Негативная оценка феномена и его носителей получила развитие в историографии XVIII – первой половины XIX в. Труды Филарета «История русской церкви», Макария «История русского раскола, известного под именем старообрядства», А.Н. Муравьева «Раскол, обличаемый своею историей» и др. явились высшим достижением исследований этого направления [3; 4; 8]. Критическая, антираскольническая тенденция воспроизводилась в структуре исторического сочинения, закреплялась в предмете, цели исследования, в методе и характере «теоретических» заключений авторов о расколе.

Историки церкви опирались на источники и литературу – законодательство, «исторические акты», «жития», сочинения Аввакума, С. Денисова, исследования Н.М. Карамзина, К.Ф. Калайдовича, М.П. Погодина, П.М. Строева, И.Т. Голикова и др. Однако источники «использовались» главным образом для разоблачения «ошибочных мнений» раскольников и критики их выступлений «против власти».

Идеология официальной церкви, конкретизированная в постановлениях церковных соборов, ограничивала предмет исследования старообрядчества «мнениями» об обрядах и «событиями» церковной истории. Цель сочинений заключалась в доказательстве несоответствия «старого обряда» постановлениям церковного собора, в разоблачении религиозной мысли и деяний раскольников. Она достигалась схоластическим методом сравнения «официального» и «раскольнического» мнений, применением к «инакомыслящим» нравственной оценки и вербализировалась в совокупности «обличительных» понятий, составляющих структуру клерикально-охранительного объяснения старообрядчества.

В итоге исследования причины протеста виделись авторам сочинений в деструктивном настрое старообрядцев, в отсутствии у них знаний, в их невежестве, суеверии. Деятели общины староверов характеризовались как нарушители нравственных норм, отступники, смутьяны, мятежники, враги, носители злобы, «нечистоты сердечной» [3, с. 1, 86, 334].

Феномен раскола в трудах Филарета, Макария, Муравьева определялся метафорически, в терминах с уничижительной коннотацией, не касающихся предмета исследования: «горький плод»; «безобразный струп», «нарост», «зло» [8, с. 238, 243; 13, с. V].

Официальное направление. Внутренняя форма исторической концепции В.Н. Татищева. Литературная деятельность Василия Никитича Татищева (1686–1750) ознаменовала начало научного этапа в отечественной историографии. Его труд «История Российская с самых древнейших времен» создавался в 30–40-е гг. XVIII в., вышел в свет в 1768–1784 гг. без заключительной части, которая была опубликована в 1848 г.

Исследователь развивал официальное направление в историографии раскола, специфику которого определяла внутренняя форма созданных им историографических источников. Историческое сочинение Татищева приобретало присущие ему морфологические черты в контексте таких методологических ориентиров как рационализм, монархизм, религиозное просветительство.

Татищев подчеркивал, что хочет «показать» в «Истории» не «божественные», а естественные причины событий. «Все деяния от ума или глупости» случаются», – писал он [6, с. 112]. Универсальное значение упомянутого методологического принципа в исследовании историка отмечал С.М. Соловьев. «Расчету ума, – по его словам, – <...> Татищев подчиняет все» [5, с. 205].

Ценностью и методологической направляющей труда Татищева являлся и монархизм. Как «птенец гнезда Петрова» он обосновывал разумность единовластия. В монархии, – подчеркивал историк, – «...богатство, сила и слава государства умножается, а через прочее <...> гибнет» [6, с. 490]. Эту особенность исследования ученого заметил С.М. Соловьев. По его словам, Татищев в «Истории» «без пощады преследует <...> всякое уклонение от общих государственных интересов в пользу <...> ...частных», а <...> уклонения называет “беспутством”» [5, с. 214].

Соединяясь с рационализмом и монархизмом, просветительство историка направляло его исследование в русло идеологии реформ Петра, ориентировало на защиту интересов государства, развитие образования, науки.

В.Н. Татищев о расколе Русской православной церкви. В «Истории Российской» Татищев представил факты возникновения раскола, а в теоретической работе «Разговор дву[x] приятелей о пользе науки и училищах», написанной в 30-е гг. XVIII в., размышлял о боге, вере и атеизме, о различии церквей и «разности расколов» в христианской церкви. В этом тексте он обратился к старообрядчеству и первым из «светских» историков дал оценку «старой веры» [7, с. 123]. Предмет раскола виделся Татищеву как событие в истории Русской православной церкви в контексте мировых явлений, изучать которое следовало путем сравнения. Историк стремился дать оценку старообрядчеству и показать его место в ряду подобных явлений. Применяя сравнительно-исторический метод, сопоставляя сходные явления в протестантизме и в православии, он первым вывел историю раскола за рамки схоластики. В частности, наиболее опасными в деле «церковной смуты» Татищев считал «ученых» старообрядцев, способных навязать людям ошибочные взгляды [7, с. 81]. В этот ряд «сущих ересиархов» он ставил как анабаптистов в Германии, так и раскольников.

В оценке причин протеста историк защищал позицию официальной церкви, но с позиции Библии подчеркивал, что утверждения раскольников не имеют оснований в «писме святом» [7, с. 81]. Все «ереси», по его словам, «плутами начаты», в «невеждах рассеяны», а их «прения большею частию до веры не принадлежат» [7, с. 81]. Рассуждая о соотношении законов «церковных и божественных», Татищев высказал противоречащую официальной установке мысль о том, что «когда и как молиться, сие нам оный закон оставляет на возможность нашу» [7, с. 123].

Раскол Русской православной церкви Татищев, как сподвижник Петра I, ставил в разряд антигосударственных выступлений. Он объединял деяния раскольников с действиями Ивана Болотникова, Степана Разина, Кромвеля в одну категорию, считал их вызванными одинаковыми причинами [7, с. 88].

Просветительские оценки феномена раскола. Историк, в отличие от сторонников схоластической доктрины, не был безоговорочным защитником церковной точки зрения на раскол. Он обличал «архиепископов римских» и отечественных, обвинял патриарха Никона в «папешском властолюбии», осуждал его за жестокое отношение к раскольникам. Исследователь подчеркивал, что Никон и его наследники «многие тысячи» людей «пожгли и порубили или из государства выгнали» [7, с. 99, 76].

Татищев писал о преследовании западной церковью Вергилия (Зальцбургского), Коперника, Картезия (Рене Декарт), Пуфендорфа и других людей «высокого ума и науки». Он подчеркивал, что инквизиция в Италии, Испании, Португалии «разоряла,

мучила, умерщвляла токмо за то», что человек с папою был не согласен, его законы, уставы называл человеческими, а «не божескими» [7, с. 76].

Заключение. Внутренняя форма историографических источников клерикально-охранительного направления являлась синтезом официальной позиции церкви, предопределявшей узость предмета исследования, схоластический метод сравнения формальных обрядовых различий, обличения «инакомыслящих». Схоластическая оценка раскола как явления религиозного сознания и развивающегося бытового уклада не могла объяснить природу этого явления и способствовать его искоренению.

Официальное направление в историографии раскола, которое заложил В.Н. Татищев, формировалось на иных теоретико-методологических принципах. Внутреннюю форму историографических источников, вышедших из-под пера историка, определял приоритет разума, ориентированного на осуществление реформ Петра I, – рационализм, монархизм, просветительство. Предмет раскола Русской православной церкви виделся автору как событие в свете «разных» церковных смут в отечестве. Он порождал цель исследования – определение места старообрядчества в ряду антигосударственных явлений, продуцировал сравнительно-исторический метод, который выводил историю старообрядчества за рамки чистой схоластики на «светский» уровень, за пределы истории русской церкви. В узком смысле историк разделял позицию церкви, видел причины раскола в «невежестве» его носителей, но судил старообрядцев с позиции «писма святого», веры, а не схоластики, обряда [7, с. 81].

1. Курносов, А. А. К вопросу о природе и значении понятия «разновидность исторических источников» / А. А. Курносов // Проблемы источниковедения и историографии истории Восточной Сибири : тез. докл. к регион. конф. 15–16 апр. 1982 г. / Иркутский государственный университет; редкол.: И. И. Кузнецов, А. С. Маджаров, Н. Н. Покровский, С. О. Шмидт [и др.]. – Иркутск : ИГУ, 1982. – С. 9–13.

2. Маджаров, А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX веков (постановка проблемы) / А. С. Маджаров // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 57–63.

3. Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядства / Макарий. – СПб. : Тип. Королева и комп, 1855. – 376 с.

4. Муравьев, А. Н. Раскол, обличаемый своей историей / А. Н. Муравьев. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1854. – 429 с.

5. Соловьев, С. М. Писатели русской истории. Василий Никитич Татищев / С. М. Соловьев // Сочинения : в 18 кн. – М. : Мысль, 1995. – Кн. XVI : Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. – С. 199–221.

6. Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 томах / В. Н. Татищев. – М. : Академический проект, 2016. – Т. 1. – 676 с.

7. Татищев, В. Н. «Разговор дву[х] приятелей о пользе науки и училищах» / В. Н. Татищев // Избранные произведения. – Л. : Наука, 1979. – С. 51–133.

8. Филарет. История русской церкви / Филарет. – Харьков : Университетская типография, 1853. – 326 с.

Комаров С.С.

ВОСПРИЯТИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОЛЬСКИМИ ИСТОРИКАМИ КОНЦА XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: историография, историческая память, имагология, Польша, польская историография.

Процесс формирования национальной идентичности всегда включает в себя два взаимодополняющих друг друга процесса. Первый – это осознание группой людей себя как общности, объединённой некоторыми уникальными признаками («национальным характером»). Второй процесс – это обособление себя от «другого». По замечанию Л.П. Репиной, в образе «другого» всегда проявляются черты собственной коллективной психологии. Иными словами, на «другого» экстраполируются собственные ценности, идеи и страхи [2, с. 13].